

И. И. Муллонен

ОБ ОДНОЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ОЙКОНИМНОЙ МОДЕЛИ В ПРИСВИРЬЕ И ОБОНЕЖЬЕ

Одна из особенностей топонимии — ее формульность, образование по определенным моделям — как семантическим, так и структурным. При этом модели, возникая в определенной языковой среде, на определенной территории и в определенное время, обладают значительным этноисторическим потенциалом. Наше внимание привлекла одна из таких моделей — ойконимия с суффиксом *-ичи/-ицы* (точнее, *-овичи/-овицы*, *-иничи/-иницы*) на российском северо-западе — в Присвирье и Обонежье — в ареале, достаточно удаленном от коренных славянских территорий. В славянской ономастике общепризнаны праславянские истоки и общеславянская сущность ойконимной модели на *-ичи* (<*-itji). Считается, что топонимы на *-itji совпадают с ареалом распространения восточнославянских племен, а расширение ареала свидетельствует об освоении земель восточными славянами. Изначально они присваивались родовым сельским поселениям, и в основе их лежали патронимы¹. Каковы же особенности функционирования этой имеющей славянские истоки модели на далекой северо-восточной окраине ареала и на какие выводы этноисторического характера они наводят?

В Присвирье модель *-ичи/-ицы* (существование двух фонетических вариантов обусловлено, очевидно, реликтами цоканья, сохранившимися в говорах после перехода к различению *ц* и *ч*² распространена неравномерно. Массив ее сосредоточен в нижнем течении Ояти, по мере удаления от этого ядра на север, восток и юг активность модели заметно падает. Восточная граница

ареала проходит в верховьях Ояти и Капши, южная — по линии, отделяющей бассейн Ояти и Капши от Паши. Надо полагать, что в Присвирье модель ойконимов на *-ичи/-ицы* продвинулась из Поволховья. Она документально засвидетельствована на Ояти во всяком случае уже в XIII в. в приписке к Уставу Святослава Ольговича, где зафиксированы топонимы «в Тервиничех» (совр. Тервиничи) и «У Вьюнице» (совр. Винницы).

На фоне традиционной славянской ойконимии с суффиксом *-ичи/-ицы*, а также распространенной в более западных бывших новгородских местах, присвирская обладает безусловной спецификой, ибо названий типа *Федотовичи* или *Ершиничи*, в которых формант присоединяется к русской основе, буквально единицы. Абсолютное большинство ойконимов данной модели имеют нерусскую основу: *Уштовичи*, *Вачукиницы*, *Рекиничи*, *Мириничи*, *Куневичи*, *Гуреничи*, *Герпиничи*, *Веченицы*, *Шангеничи*, *Шутиницы*, *Шириничи*, *Чимкиницы*, *Погаченицы*, *Согиницы* и др. Складывается впечатление, что в Присвирье это прежде всего модель для адаптации иноязычных ойконимов. При этом в ее использовании намечаются явные закономерности: она функционирует исключительно в ойконимии, причем в имеющей (или имевшей) совершенно определенный прибалтийско-финский оригинал — ойконимы с l-овым формантом. Об этом убедительно свидетельствуют прибалтийско-финские и русские варианты ойконимов в вепском и карельском Присвирье: *Nirgl* — *Ниргиничи*, *Karhil* — *Каргиничи*, *Sondal* — *Шондовичи*, *Vingl* — *Винницы*, *Sagil* — *Согиницы* и т. д. Исходя из этого, правомерно предполагать, что на смежной обрусевшей территории во всяком случае часть ойконимов с показателем *-ичи/-ицы* — это скрытая русской адаптацией прибалтийско-финская l-овая ойконимия. Это предположение находит подтверждение в упоминавшемся уже дополнении к Уставу Святослава, в котором название села *Юксовичи* с верховий Свири приведено в форме *Юскола*, т. е. и здесь русский вариант на *-ичи* восходит к l-овому оригиналу.

Почему для адаптации l-овой ойконимии в Присвирье была использована именно древнерусская модель на *-ичи/-ицы*? В связи с анализом вепской l-овой ойконимии мы предположили, что причиной могло быть семантическое родство основ прибалтий-

ско-финских ойконимов с суффиксом *-l(a)* и древнерусских с суффиксом *-ичи/-ицы*³. Топонимная модель на *-ичи* возникла в результате переноса наименований отдельных родовых объединений, общин, дворищ, игравших функцию заселителей, на занимаемую ими территорию. В результате подавляющее большинство ойконимов на *-ичи* имеет отантропонимное происхождение. Это подтверждают материалы новгородских писцовых книг XV–XVI вв., в которых из зафиксированных 120 ойконимов данного типа более 100 образовано от антропонимов⁴.

Отантропонимные истоки присущи и прибалтийско-финской, в том числе карельской и вепсской, l-овой ойконимии: *Rahkoil* (*Рахковичи*) — ср. древнее прибалтийско-финское личное имя *Rahkoi*, *Reboil* (*Ребовичи*) — ср. прибалтийско-финский (т. е. известный древним именословам всех прибалтийско-финских языков) антропоним *Reboi*⁵. При этом в вепсской ойконимии l-овая модель функционирует практически исключительно в названиях, восходящих к дохристианским и нехристианским вепским именам, среди карельских ойконимов этого типа есть образования как от христианского, так и нехристианского именослова.

Несомненная аналогия в семантической характеристике основ прибалтийско-финской ойконимии на *-l* и древнерусской на *-ичи/-ицы* могла послужить основанием для использования данной русской модели в процессе адаптации вепсских l-овых названий. Добавим к этому, что в основе многих ойконимов на *-ичи/-ицы*, бытующих на смежной с ареалом вепсского и карельского заселения русской территории Присвирья, возможно реконструировать прибалтийско-финский антропоним (*Мустиничи*, *Коковичи*, *Валданицы*, *Имоченицы*, *Лембовичи* и др.), что еще раз свидетельствует в пользу l-ового оригинала названий на *-ичи/-ицы* в этом ареале.

Важную этноисторическую информацию содержит ареал ойконимов с суффиксом *-ичи* в Присвирье. Сопутствуя l-овой ойконимии, он не перекрывает однако ареал последней полностью. В частности, заметно отсутствие русской модели на *-ичи/-ицы* в южных пределах ареала l-овой ойконимии. Названия населенных мест с суффиксом *-ичи/-ицы* распространены на Ояти

(особенно в нижнем течении реки), на Свирско-Оятском водоразделе, на Свири, причем здесь ареал не поднимается до самых верховий реки, а граница проходит примерно в районе с. Важины; здесь же на Свири располагается и северо-восточная граница ареала I-овой ойконимии.

Модель с формантом *-ичи/-ицы* известна также за северными границами Присвирья, в бассейне реки Олонки, т.е. на территории расселения карел-ливвиков: *Кунилицы (Kunil)*, *Иммалицы (Immal)*, *Юргилицы (Jurgil)*, *Таралицы (Taral)*, *Судалицы/Судалица (Sudal)*, *Чимилицы (Čimil)*, *Оньюлицы (Ohkul)* и др. В приведенных примерах обращает на себя внимание присутствие карельского форманта *-l-* в составе русского адаптированного названия: *Юргилицы < Jurgil*. В южном Присвирье, как уже отмечалось, русский формант выступает своего рода заместителем вепсского *-l-*: *Каргиничи < Karhil*. Однако в прошлом модель адаптации, существовавшая в восточном Приладожье, была аналогична присвирской. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы Писцовых книг Обонежской пятины и XVI и XVII вв. Современным формам *Кунилицы*, *Иммалицы*, *Неккулица*, *Татчалицы*, *Юксиллицы* соответствовали в XVII в. *Куневицы* (или *Куневици*), *Иманицы*, *Некуницы*, *Тачиницы*, *Юксеницы* (ПК). Более того, формы на *-ицы* были употребительны тогда и для целого ряда ойконимов, официальный облик которых позднее (ср. данные СНМ 1935) стал представлять собой транслитерацию карельского оригинала:

ПК XVII	СНМ 1935 г.	Карельские ойконимы
<i>Ругоница</i>	<i>Ругойла</i>	<i>Rugoilu</i>
<i>Тотоицы</i>	<i>Тоттейла</i>	<i>Totteilu</i>
<i>Киролечи</i>	<i>Керойла</i>	<i>Keroilu</i>
<i>Тимоници</i>	<i>Тимойла</i>	<i>Timoilu</i>
<i>Хейтоничи</i>	<i>Гейтойла</i>	<i>Heittoilu</i>
<i>Караницы</i>	<i>Каройла</i>	<i>Kuaroilu</i>
<i>Валовичи</i>	<i>Валойла</i>	<i>Valoilu</i>

Сопоставляя эти списки, надо, очевидно, признать, что традиция употребления русской адаптационной ойконимной модели с формантом *-ичи* была в западном Приладожье со временем в значительной степени утрачена. Предпосылки для

этого прослеживаются уже в материалах писцовых книг, свидетельствующих о значительной непоследовательности в передаче карельской I-овой ойконимии на русский язык в ливвиковском Приладожье. Наряду с моделью на *-ичи/-ицы* довольно широко использовался тип прилагательного на *-ская*: *Кожинская* — совр. *Кожала*, *Ячинская* — совр. *Яккойла*, *Тепулская* — совр. *Теппула*, *Олексинская* — совр. *Алексала*, *Ховомская* — совр. *Гомала*, *Унетская* — совр. *Унойла*, *Шаринская* — совр. *Шаройла* и др. Зафиксированы также случаи использования модели с *-ево*: *Пяткуево* — совр. *Пятчила*, *Токачево* — совр. *Текатчула*, *Тюккуево* — совр. *Тюккула* и некоторые другие. В западном Приладожье, на северной границе Присвирья, существовал, таким образом, определенный разницей в передаче карельской I-овой ойконимии на русский язык, и модель с формантом *-ичи/-ицы* занимала далеко не господствующее положение, а была лишь одной из возможных. Видимо, здесь, на северо-западной окраине ойконимного ареала *-ичи/-ицы* модель не работала уже столь безотказно, как, например, в центре ареала — на нижней Ояти. Кроме того, и в современном, и в восстанавливаемом по материалам XVII в. приладожском ареале просматривается определенная закономерность: ойконимы с формантом *-ичи/-ицы* концентрируются в юго-западной части Олонецкого района, еще точнее, в южной части бассейна Олонки. Особенно много их вокруг Олонца. По мере удаления от этого центра продуктивность типа практически сходит на нет (за исключением некоторого всплеска активности в Сязозерье). И это при том, что ареал I-овой ливвиковской ойконимии, послужившей основанием для использования русской адаптационной модели *-ичи/-ицы*, распространяется значительно дальше на север, вглубь Олонецкого перешейка.

Эти ареальные закономерности подтверждают, таким образом, присвирский центр распространения модели *-ичи/-ицы* в смежную зону Приладожья, которое, видимо, должно рассматриваться как северная периферия Присвирья. В Карелии обнаруживается, однако, и вполне самостоятельный локальный ареал модели, расположенный на Заонежском полуострове и в примыкающем к нему с севера Выгозерье. Заметим сразу, что здесь,

в северном Обонежье, продуктивность этой ойконимной модели незначительна. С привлечением письменных источников разного времени — от ПКОП конца XV в. до СНМ 1935 г. — удастся восстановить немногим более десятка названий. При этом примечательна их локализация: *Кургеницы, Клименицы, Погаченицы/Паханичи, Типиницы* и, возможно, *Гарницы* расположены в южной оконечности Заонежского полуострова — на Клименицком острове и в его окрестностях, а *Паяницы, Кайбиницы, Паханичи, Кехтеницы, Юрговичи* (в ПКОП 1496 г. *Верговичи*) — в северо-восточном конце полуострова, в окрестностях Шуньги. На остальной территории Заонежского полуострова модель отсутствует. Зато она представлена несколькими примерами, среди которых *Койкиницы, Тайгиницы, Тиконицы, Кяменицы, Пижиници* на водоразделе Онежского озера и Выгозера, на Выгозере и в верховьях р. Сумы. Еще несколько ойконимов данного ареала с формантом *-ицы* (типа *Возрицы, Тамбицы*) скорее все же вторичны в качестве названий населенных пунктов, и восходят к соответствующим названиям рек (рр. *Возрица, Тамбица*) с продуктивным для гидронимии русским адаптационным суффиксом *-ица*. От ойконимов на *-ичи/-ицы* их отличает отсутствие элемента *-ин-* перед формантом.

Ареал ойконимов на *-ичи/-ицы* в северном Обонежье явно накладывается на тот путь, по которому проходила новгородская миграция из Присвирья в Заонежье и затем в Беломорье. Этот транзитный путь реконструируется, например, по данным новгородских изгонных книг XVI в., в соответствии с которыми дорога шла от Великой губы через Шуньгу и Повенец до Масельги, от Масельги на Выгозеро (Н. Я. Озерецковский, подробно описывающий этот же путь в начале XIX в., отмечает, что «сим озером 20 верст водоходствуют до деревни Койкиниц»⁶). От Выгозера водно-волоковый путь поворачивал резко на восток и шел на Сумозеро, откуда далее по Суме до Белого озера⁷. Изоглосса, отражающая распространение ойконимов с формантом *-ичи/-ицы* в северном Обонежье, накладывается именно на этот древний транзитный путь.

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что здесь, в северном Обонежье, модель на *-ичи/-ицы* используется,

как и в Присвирье, для адаптации иноязычных ойконимов. Среди названий с данным суффиксом практически нет образований от русских антропонимов. Наоборот, прибалтийско-финские антропонимные основы явны в некоторых здешних ойконимах. Об этом свидетельствуют следующие примеры с территории северного Обонежья:

Кургеницы, ср. широко известный в древнем прибалтийско-финском ономастиконе дохристианский антропоним *Kurki*. Истоки этого антропонима, как и многих других древних прибалтийско-финских имен, в апеллятивной лексике, ср. фин. *kurki*, кар. *kurki, kurgi*, вепс. *kurg* 'журавль'.

Пахничи или *Погаченицы* на Клименецком острове (обе формы приводятся в ПКОП 1563 г.): в основе возможно предполагать прибалтийско-финский антропоним прозвищного характера *Paha, Pahač* 'плохой' и реконструировать оригинал в виде **Pahala, *Pahila*⁸ или **Pahačala*. Аналогичное происхождение имел, видимо, и упоминающийся в том же источнике XVI в. топоним *Паханичи* («а се в Паханичах») в Шунгском погосте.

Кайбиницы (ПКОП, с. 4), ср. группу древних прибалтийско-финских личных имен с основой *Kaira-* 'долгожданный, желанный (ребенок)'. Имя встречалось у всех прибалтийско-финских народов, в том числе у карел⁹ и вепсов¹⁰.

Койкиницы, ср. зафиксированный в средневековых источниках финский, а также карельский антропоним *Koikka* прозвищного характера, по-видимому, восходящий к апеллятиву *koikka* 'длинноногий, сгорбленный (о человеке и животном)' (SN).

Тайгиницы, ср. известное во всяком случае в карельском именослове *Taikina*¹¹. Видимо, антропоним, восходящий к прибалтийско-финской (фин. *taikina*, кар. *taikina, taigin(a)*, вепс. *taigin*) лексеме со значением 'квашня (посуда для закваски теста)', имел прозвищный характер.

Безусловные аналогии в функционировании модели в Присвирье и в северном Обонежье наводят на мысль о генетическом родстве присвирского и заонежского ареала топонимов на *-ичи/-ицы*. Они позволяют предполагать, во-первых, 1-овый оригинал для заонежских примеров (**urgila, *aibala*), < во-вторых, проникновение обеих моделей — и прибалтийско-

финской, и русской — в Обонежье из Присвирья в процессе освоения севера. По пути, известному прибалто-финнам (вепсам), хотя, видимо, и редко заселенному ими (если судить по малочисленности ойконимных примеров), проходила и древнерусская миграция на север.

Все известные современные ойконимы Заонежья с формантом *-ичи/-ицы* отмечаются уже в писцовых книгах XV в. Более того, в них приводятся и утраченные позднее названия поселений, образованные по этой модели. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что ойконимный тип *-ичи/-ицы* утратил свою продуктивность в этом ареале во всяком случае к концу XV в., а, не исключено, и раньше. Существует достаточно обоснованное предположение о том, что колонизация Заонежья извне завершилась к концу XV в., а массовое освоение русскими Заонежья следует отнести ко времени не ранее XIV в.¹²

Намечаются, таким образом, определенные хронологические рамки бытования ойконимной модели на *-ичи/-ицы* на северо-восточной периферии ареала данного топонимного типа. На Ояти, как уже отмечалось, она была известна в XIII в., хотя, возможно, и имела тогда более ограниченное распространение (ср. ойконим, известный в XVI в. в форме *Юксовичи*, в XIII в. зафиксирован в виде *Юскола*). О. А. Купчинский, проанализировавший хронологические и географические рамки бытования древних славянских ойконимных типов **-itji* и **-jъ*, заметил, между прочим, что отсутствие ареального параллелизма указанных топонимных типов свидетельствует о более поздней славянизации земель. Оять, где сосредоточены ойконимы на **-itji* и полностью отсутствуют примеры на **-jъ*, осваивалась древнерусским населением уже в период непродуктивности последней модели, в XII–XIII вв.¹³ Присутствие модели в Заонежье, осваивавшемся несколько позднее, видимо, надо рассматривать как свидетельство того, что еще в XIV в. она продолжала функционировать, хотя и в достаточно локальном ареале.

Возможно, в хронологии, особенно ранней, кроется причина отсутствия адаптационной модели на *-ичи/-ицы* на юго-западной окраине бассейна Свири, на Паше. Южная граница бытования модели в Присвирье четко отделяет Оять и Капшу от Паши. И

это при том, что прибалтийско-финская ойконимия, послужившая на Ояти основанием для использования адаптационного типа *-ичи/-ицы*, известна и на Паше. Ее следы обнаруживаются в таких ойконимах Паши, как *Пудроль, Канжела, Тагала, Кайбола, Тапала, Чаголино, Имолово* (в двух последних прибалтийско-финский оригинал на *-l* несколько завуалирован в процессе русского усвоения наращением характерных для русской ойконимии притяжательных формантов *-ино, -ово/-ево*). Показательно, что южная граница адаптационной модели на *-ичи/-ицы* совпадает с диалектной границей, разделяющей единую Ладого-Тихвинскую диалектную зону на два микроареала и проходящей с низовий Паши на Кондегу и Капшу¹⁴. В соответствии с этим членением Паша входит в единый ареал с Сясью, Тихвинкой и в целом с восточным Поволховьем, очевидно, попавшим в ареал древнерусской колонизации раньше, чем расположенная к востоку от этой границы часть Присвирья. Видимо, отличался и сам характер освоения. Говоры Паши, входя в языковой регион Поволховья, исторически развивались, видимо, в условиях определенного господства древнерусской языковой среды, сложившегося в результате достаточно плотного, массивированного новгородского заселения¹⁵. В такой этноязыковой ситуации, как свидетельствуют некоторые топонимические данные, происходит фонетическое усвоение местных нерусских топонимов. Этот способ характерен, к примеру, для названий целого ряда озер на территории северо-западной России: *Селигер, Лудорь, Сяберо, Уверь, Ильмерь*, в которых конечный элемент восходит к прибалтийско-финскому *järvī* 'озеро'. Этот же способ отчетливо проявился и в наименованиях ручьев в западном Присвирье: *Маткуй, Лепой, Кивое, Кимоя* восходят к соответствующим вепским оригиналам *Matkoja, Leroja, Kivoja, Kimoja* с детерминантом *-oja* 'ручей'. С изменением этноязыковой ситуации, в условиях вепско-русского двуязычия и постепенного обрусения местного вепского населения меняется и адаптационная модель, появляются полукальки *Сяргозеро, Савозеро, Кондозеро; Маткручей, Лепручей, Кивручей, Кимручей*¹⁶. Граница распространения модели с переведенным детерминантом *-озеро* накладывается на упоминавшуюся уже диалектную границу, разделяющую северную и южную

подгруппу Ладого-Тихвинской диалектной зоны, а модели *-ручей* — соответственно на границу, разделяющую Ладого-Тихвинскую и Онежскую группу говоров. Эти границы отражают, очевидно, разные этапы древнерусского освоения севера.

Отмеченная особенность адаптации отразилась, видимо, и в усвоении прибалтийско-финского оригинала с l-овым формантом: на Паше происходит фонетическое усвоение: *Кайбола* < вепс. *Kaibal*, *Пудроля* < вепс. *Pudral*. На Ояти же и в целом на территории северной подгруппы Ладого-Тихвинской диалектной зоны — от Канши до Свири — прибалтийско-финский l-овый оригинал подвергается своего рода «переводу»: *Ребовичи* < *Reboil*, *Харагиничи* < *Haragal*, *Имоченицы* < *Himacal*. Прибалтийско-финский ойконимный суффикс, отличительной особенностью которого было присоединение к антропонимным основам, замещается славянским ойконимным суффиксом, оформляющим антропонимные основы.

Ареал бытования описанной адаптационной модели не ограничивается северной зоной Ладого-Тихвинской группы говоров, а распространяется на северо-восток несколько шире и уходит в Заонежье, в зону Онежских говоров. Однако в отличие, например, от адаптационной модели на *-озеро* (*Сяргозеро*), широко известной по всему Русскому Северу, ойконимная модель, использовавшаяся для восприятия в русский язык прибалтийско-финских наименований поселений, не получила значительного развития. Такая ситуация обусловлена, как нам представляется, несколькими моментами, прежде всего, относительной малочисленностью прибалтийско-финской l-овой ойконимии и ранней утратой ею продуктивности, особенно в ареале вепсского расселения. В восточном Приладожье, т.е. в ливвиковском ареале, l-овая модель сохраняла продуктивность дольше — на это указывает значительное число производных от христианских имен (типа *Isakkal*, *Kondroilu*, *Terpoil*, *Illal*, *Teroilu*), практически отсутствующих в вепсском ареале. Однако древнерусская колонизация в целом обошла ливвиковский Олонецкий перешеек стороной, так что адаптационная модель не смогла получить здесь значительного распространения.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ грант № 95-06-17491 КарНЦ РАН

Примечания

- ¹ Купчинский О. А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности: Этногенез. Материальная культура древней Руси. Киев, 1980.
- ² Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949. С. 134.
- ³ Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994. С. 76.
- ⁴ Полковникова С. А. Географические названия новгородских писцовых книг XV–XVI вв.: Однокоренные названия с разными суффиксами // Учен. зап. Моск. гос. педагог. ин-та. № 353. М., 1970. С. 191–192.
- ⁵ См. подробнее: Муллонен И. И. Очерки... С. 87–97.
- ⁶ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 154.
- ⁷ Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и их отражение на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950. С. 286.
- ⁸ Агапитов В. А. Прибалтийско-финская земледельческая колония в южном Заонежье (опыт топонимической реконструкции) // Кижский вестник. № 4. Петрозаводск, 1994. С. 26.
- ⁹ Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. S. 124.
- ¹⁰ Муллонен И. И. Очерки... С. 93.
- ¹¹ Nissilä V. Suomen... S. 152–153.
- ¹² Витов М. В., Власова И. В., 1974 — География сельского расселения западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 182, 189.
- ¹³ Купчинский О. А. Древнейшие славянские... С. 60.
- ¹⁴ Герд А. С. К исторической географии Приладожья // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб., 1994. С. 32–33.
- ¹⁵ Герд А. С. К истории образования говоров Посвирья // Севернорусские говоры. Вып. 4. Л., 1984. С. 180.
- ¹⁶ Муллонен И. И. Кивоя и Кивручей: две адаптационные модели в топонимии Присвирья // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995.

Сокращения

ПК — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины

- 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск: Йоэнсуу, 1993.
- ПКОП* — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Петрозаводск, 1930.
- СНМ 1935* — Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1933 г.). Петрозаводск, 1935.
- SN* — Uusi suomalainen nimikirja. Keuruu, 1988.